

Я переродился
в эроге...
Кем-кем?!!!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Umnokisa

Umnokisa

**Я переродился в эроге...
кем-кем?!!! - Часть 1**

«Автор»

2026

Umnokisa

Я переродился в эроге... кем-кем?!!! - Часть1 / Umnokisa —
«Автор», 2026

Я бывший сапёр. После подрыва несколько лет провёл в инвалидной коляске, а после смерти очнулся в молодом и здоровом теле Летиции — героини любимой эроге. Возвращаться я не собираюсь: я снова могу ходить. Проблема одна — я знаю сюжет. Если Летиция не выберет одного из четырёх ухажёров, она погибнет во время переворота. Но я мужик и романтические ветки проходить не намерен! Значит, будет свой финал: мастерская, оружейное производство, новые технологии — и никакой свадьбы. Наверное.

Содержание

Глава 1. Кем-кем я переродился?!!!	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Umnokisa

Я переродился в эроге... кем-кем?!!! - Часть 1

Глава 1. Кем-кем я переродился?!!!

Первое, что я почувствовал, — ноги.

Не боль, не покалывание и не ту странную тяжесть, которая иногда появлялась сама по себе и давно уже не имела прямого отношения к тому, что происходило с телом. Я почувствовал именно ноги, обе, целиком, от бёдер до кончиков пальцев, и несколько секунд лежал неподвижно, глядя в совершенно незнакомый белый потолок, потому что боялся проверить ещё раз.

Потом всё-таки пошевелил пальцами правой ноги.

Получилось.

Левой.

Тоже.

Я согнул одно колено, затем другое и только после этого понял, что всё это время почти не дышал.

Где я, какого хрена потолок метрах в четырёх над головой и зачем вокруг люстры золотом налепили пухлых ангелов, можно было выяснить потом. Сейчас во всей этой херне была одна задача, которая волновала меня куда больше ангелов, потолка и вообще устройства мироздания.

Я откинул одеяло.

Ноги оказались чужими. Тонкими, слишком белыми, в нелепых чулках, с узкими ступнями и аккуратными пальцами. Никаких старых шрамов, никаких следов операций, ничего знакомого.

Зато они работали.

Я сел слишком резко, перед глазами сразу поплыл один из золотых ангелов, а в висках неприятно стукнуло. Обычно человек в такой ситуации ругается и ложится обратно. Я чуть не рассмеялся.

Голова закружилась просто потому, что я быстро сел.

Нормальная, здоровая причина.

— Твою мать, — выдохнул я.

Голос прозвучал странно высоким, но заниматься ещё и голосом сейчас не было никакого желания. Пусть стоит в очереди.

Я свесил ноги с кровати и поставил их на ковёр. Густой ворс полез между пальцами и защекотал пятки.

Я замер.

Провёл ступнёй по ковру ещё раз.

Щекотно.

Мне было, сука, щекотно.

Рука сама пошла вправо, привычно ища опору перед пересадкой: край кресла, подлокотник, любую твёрдую точку, на которую можно перенести вес. Я несколько секунд тупо шарил ладонью по матрасу, прежде чем понял, что искать нечего.

Коляски рядом не было.

Передо мной был только пол, сантиметрах в сорока от края кровати, и задача, которая когда-то вообще не считалась задачей.

Нужно было просто встать.

Я поставил обе ступни ровнее и поднялся.

Тело слегка качнулось вперёд, икры напряглись, колени удержали вес сами. Я машинально расставил ноги шире и приготовился ловить равновесие руками, но ничего не понадобилось.

Я стоял.

Четыре года назад для этого не требовалось никаких усилий. Потом оказалось, что просто встать — это примерно как телепортироваться: теоретически очень удобно, практически недоступно.

Похоже, телепортацию мне всё-таки выдали.

Я сделал один шаг, потом другой, дошёл до окна и зачем-то посчитал расстояние — восемь. Обратно оказалось столько же, что логично, но почему-то тоже порадовало. Второй круг по комнате я прошёл уже быстрее, на третьем начал смеяться, а потом остановился возле кровати и присел.

Медленно.

Поднялся.

Ещё раз.

Колени работали спокойно, будто никогда не знали, что могут не работать.

Тогда я подпрыгнул.

Совсем невысоко, скорее оторвал ступни от пола, чем прыгнул. Приземлился, пошатнулся и вцепился в резной столбик кровати, от чего на пол свалилась маленькая декоративная подушка.

Я посмотрел сначала на неё, потом на ноги.

— Да ладно.

И прыгнул снова, уже выше.

Ничего.

Никакой необходимости тут же проверять, не подвернул ли я ногу, которую могу не почувствовать вовремя. Никакого расчёта, сколько времени провёл в одном положении. Никакой привычной мысли, что любое повреждение сначала надо увидеть, а уже потом понять, насколько оно серьёзное.

Я мог просто прыгнуть.

В какой-то момент стало трудно дышать, и я решил, что слишком разогнался после четырёх лет без нагрузки. Потом коснулся лица и обнаружил мокрые щёки.

Отлично.

Стою посреди неизвестной комнаты и реву.

Очень по-мужски.

Я усмехнулся, вытер лицо ладонью и тут же перестал над собой издеваться.

За четыре года я научился нормально жить. Именно жить, а не героически преодолевать каждое утро. Я сам водил машину, складывал коляску быстрее, чем некоторые родители складывали детскую, переделал под себя квартиру и ругался с соседями наравне со всеми. Сосед снизу однажды даже предложил прикрутить к креслу автомобильный клаксон, потому что я, цитирую, «всё равно гоняю по подъезду как ебанутый».

Я работал, встречался с друзьями, играл ночами, спорил в интернете с людьми, которые были неправы, и матерился на курьеров, для которых одна ступенька перед входом означала «да там же почти без лестницы».

Жизнь не закончилась.

Просто иногда мне снилось, что я иду.

Причём ничего героического. Не возвращаюсь на службу, не бегу с оружием, не вытаскиваю кого-нибудь из-под завала. Обычно какой-нибудь магазин: передо мной тележка, вокруг макароны, крупы и кофе, а я иду между рядами и думаю, взять две пачки или три.

Потом просыпаюсь и несколько секунд не понимаю, почему нельзя просто встать.

Я ещё раз провёл ладонями по лицу и только тогда заметил, что кожа под пальцами подозрительно гладкая.

Посмотрел на руки внимательнее.

Тонкие запястья. Длинные пальцы. Ни мозолей, ни старых ожогов, ни белого шрама между большим и указательным, который я получил ещё задолго до последнего ранения.

Вот тут мозг, до этого великодушно выдававший новости по одной, решил, что хватит меня щадить.

Я наконец оглядел комнату.

Спальня была размером примерно с мою прежнюю квартиру. Кровать под балдахином, синие тяжёлые шторы, резной комод, серебряный таз для умывания, живые цветы в вазах и огромное зеркало в золотой раме. По количеству золота эту раму можно было переплавить и пару лет содержать небольшую деревню.

На мне была белая ночная рубашка.

Длинная.

С кружевом.

Я медленно опустил взгляд.

Под тканью совершенно недвусмысленно находилась грудь.

Несколько секунд мы с ней существовали отдельно друг от друга.

Я посмотрел вниз, потом на потолок и снова вниз.

— Ну нет.

Проверил рукой.

Подумал и проверил вторую, исключительно чтобы исключить ошибку измерения.

Ошибка исключилась.

— Заебись. Ноги вернули с допоборудованием.

Странно, но паники не случилось.

Видимо, запас охуевания на это утро я уже почти выбрал. Возможно, четыре года в коляске неплохо учат расставлять приоритеты. Если вселенная предлагала мне выбор между «снова ходить, но с грудью» и «всё как раньше», грудь могла считать, что выиграла конкурс без соперников.

Оставалось понять, к кому именно прилагалось всё это внезапное женское хозяйство.

Я подошёл к зеркалу.

Оттуда смотрела девушка лет восемнадцати. Светлые, почти пшеничные волосы спутались после сна и падали ниже лопаток, глаза были большие и синие, кожа — такая, будто этот человек за всю жизнь ничего тяжелее веера не поднимал и солнце видел исключительно сквозь окно кареты.

Красотка.

Объективно.

Даже слишком.

Именно на таких персонажей художник тратит половину бюджета, а потом добавляет сверху ещё немного бликов, чтобы никто случайно не перепутал главную героиню с прислугой.

Я подошёл ближе и потрогал нос. Девушка повторила. Оттянул нижнее веко — снова повторила.

— Так. И кто у нас тут?

Она задала этот вопрос высоким, чистым голосом.

Я уставился на отражение.

— Ёб твою мать.

Тем же сопрано.

Это было настолько неправильно, что даже смешно.

— Нет, ну вот это уже незаконно.

Я попробовал заговорить ниже, привычным голосом:

— Так, доброе утро.

Получилась восемнадцатилетняя барышня, которая зачем-то изображает командира батальона.

Я поморщился.

— Всё, не позоримся. Разберёмся потом.

За дверью послышались шаги.

Я повернул голову раньше, чем успел об этом подумать. Несколько человек, скорее всего трое: один идёт тяжелее, двое легче. По коридору справа.

Через секунду я уже стоял сбоку от двери, не напротив проёма и не спиной к окну, одновременно осматривая комнату в поисках того, чем можно воспользоваться, если вошедшие окажутся не настроены на светскую беседу.

Из подходящего нашлась только тяжёлая ваза с белыми лилиями.

Я взял её, прикинул вес и случайно посмотрел в зеркало.

Из отражения на меня смотрела хрупкая блондинка в кружевной ночнушке, которая приготавливалась встречать штурмовую группу вазой.

— Прекрасно. Ноги новые, голова старая.

В дверь постучали.

— Миледи?

Женщина.

Я поставил вазу обратно, но от двери не отошёл.

— Миледи Летиция, вы проснулись?

Имя ударило сильнее, чем обнаруженная десять минут назад грудь.

Летиция.

Я медленно оглядел комнату ещё раз, теперь уже действительно замечая детали. Тёмно-синие портьеры, белые лилии, на стене герб — серебряный олень на синем поле.

Нет.

Я знал этот герб.

Часов сорок своей жизни точно. Может, пятьдесят, если считать прохождение, когда решил закрыть все достижения, а потом два вечера искал один сраный CG, который открывался только после совершенно идиотской комбинации ответов.

Я подошёл к окну и отдернул занавеску.

За садом тянулась белая каменная стена, дальше начинался город, а над крышами поднимался высокий шпиль, крытый синей черепицей.

Собор Светлого престола.

Столица Эльмара.

Резиденция герцога Ардена.

«Сердца под алой луной».

Моя любимая эроге.

Я постоял у окна, пытаюсь найти в происходящем хоть что-нибудь, что выглядело бы менее безумно.

Не нашёл.

Допустим, каким-то образом я оказался в игре. Уже странно, но жанрово допустимо. Можно было попасть в кузнеца, мага, солдата, да хотя бы в того алкоголика-алхимика из тре-

тёй главы, который дважды за прохождение взрывал собственную лабораторию. Мы бы с ним наверняка нашли общий язык.

Можно было попасть в одного из мужских персонажей. Их здесь хватало на любой вкус, особенно если верить художникам.

Я медленно повернулся к зеркалу.

Белокурая красotka в кружевной ночной рубашке выглядела ровно как героиня с титульного экрана.

— Главной героиней?

За дверью снова позвали, уже тревожнее.

Я ещё секунду смотрел на себя, после чего не выдержал:

— Кем-кем я, блядь, переродился?!

За дверью что-то звякнуло, кто-то ахнул, и через мгновение створка распахнулась.

В комнату первой влетела женщина лет пятидесяти в строгом сером платье, следом две девушки помоложе, одна с тазом, другая с полотенцами. Все трое остановились почти одновременно и уставились на меня.

Я тоже замер.

Старшая женщина медленно опустила взгляд к моим ногам.

— Миледи... вы стоите.

Я машинально посмотрел туда же.

— А что, не должен?

По выражению трёх лиц стало понятно, что начинать общение стоило как-нибудь иначе.

— После лихорадки лекарь строго запретил вам вставать без помощи, — женщина подошла ближе, но остановилась на таком расстоянии, чтобы при необходимости меня поймать. — Вы почти две недели не покидали постель.

Лихорадка.

Вот теперь всё окончательно встало на место.

Это самое начало игры.

Летиция действительно болела перед первым балом, а потом внезапно возвращалась ко двору. Очень удобная сценарная болезнь, объяснявшая, почему после настройки персонажа героиня могла изменить причёску, привычки, любимый цвет и, если игрок купил нужное дополнение, половину внешности.

Я тогда ещё думал, что разработчики слегка ленивые.

Теперь хотелось пожать им руки.

— Я правда нормально себя чувствую. Даже слишком нормально, если честно.

Женщина не выглядела убеждённой.

— Миледи, вам следует лечь. Я немедленно пошлю за лекарем.

— Не надо пока лекаря. Я только проснулся... проснулась и хотел... хотела сначала понять, что вообще происходит.

Вот.

Началось.

Две молодые служанки быстро переглянулись.

Старшая тоже заметила.

— Миледи?

— После болезни, — сказал я, первое, что пришло в голову.

Похоже, эта фраза могла стать очень полезной.

Она осторожно коснулась моего лба.

Я автоматически дёрнулся назад, и женщина тут же отняла руку.

— Простите.

— Нет, это ты... вы простите. Просто неожиданно.

Тут я понял ещё одну проблему.

Я понятия не имел, как к ней обращаться.

— Как тебя зовут?

Лицо женщины изменилось.

Чёрт.

Летиция должна была это знать.

Я лихорадочно перебрал всё, что помнил по игре. Спрайт служанки, серая форма, сцена перед балом, разговор о платье...

— Не так спросил. Голова после болезни ватная. Марта же?

Она заметно выдохнула.

— Да, миледи. Марта.

— Вот, значит, всё не совсем потеряно.

Марта всё ещё смотрела настороженно, но уже без ощущения, что перед ней человек с полностью стёртой памятью.

Я перевёл взгляд на девушек.

Этих в игре либо не было, либо они относились к категории «служанка номер два».

— А вас двоих пока не соберу. Напомните, пожалуйста.

Первая нервно сжала полотенце.

— Эмма, миледи.

Вторая присела в коротком реверансе.

— Клара.

— Эмма и Клара. Хорошо. Память не умерла, просто временно халтурит.

Клара улыбнулась, но сразу спрятала улыбку, заметив взгляд Марты.

Сама Марта осторожно предложила:

— Всё-таки я позову лекаря. Даже если вы чувствуете себя хорошо, потерю воспоминаний нельзя оставлять без внимания.

Спорить было глупо. Я это понимал, хотя очень хотелось.

— Ладно, но не прямо сейчас. Дайте хотя бы умыться и одеться, а потом пусть приходит и проверяет всё, что ему нужно.

Такой ответ её явно устроил больше.

Марта открыла шкаф.

Я увидел платье.

Потом посмотрел внимательнее и понял, что платьем это можно назвать только из уважения к эпохе. Передо мной висела сложная конструкция из ткани, кружев, завязок и, судя по количеству слоёв, чьей-то глубокой личной неприязни к женщинам.

Я подошёл ближе.

Нижняя юбка. Верхняя юбка. Ещё что-то под юбку. Корсет. Ленты. Бант.

Особенно бант.

Он был размером примерно с противопехотную мину.

— Нет.

Марта, уже протянувшая руку к платью, замерла.

— Миледи?

— Другое, пожалуйста.

— Какое вы желаете?

Я заглянул глубже в шкаф, но ситуация лучше не становилась.

— Брюки у меня есть?

Клара фыркнула и тут же сделала вид, что закашлялась.

Марта сохранила лицо профессионала.

— Есть костюм для верховой езды.

— Отлично. Несите его.

— Сейчас?

Я посмотрел на неё.

— Нет, на следующий Новый год. Конечно сейчас.

Марта слегка поджала губы.

— Но вы будете завтракать с его светлостью.

— И?

Она явно пыталась подобрать объяснение, понятное человеку, который должен был понимать его без слов.

— В брюках, миледи?

— Они мешают есть?

Клара снова спрятала улыбку.

Марта посмотрела на меня долгим взглядом.

— Нет.

— Тогда, думаю, мы справимся.

Мне очень хотелось добавить, что четыре года я вообще завтракал сидя и каких-либо дополнительных сложностей брюки не создавали, но фраза уже почти сорвалась с языка, когда я вспомнил, что у Летиции совершенно другая биография.

Новая вводная: сначала думать, потом открывать рот. Вообще-то для сапёра навык базовый, и особенно обидно было просрать его именно после перерождения.

Пока служанки готовили одежду и воду, я впервые столкнулся с проблемой волос. Они лезли в лицо, прилипали к шее, цеплялись за рубашку, а одна особенно настойчивая прядь дважды оказалась во рту.

Эмма усадила меня перед зеркалом и начала расчёсывать.

Я продержался минут пять.

— И что с ними обычно делают?

Расчёска остановилась.

Эмма осторожно уточнила:

— С волосами, миледи?

— Нет, с занавесками. Конечно с волосами. Их же куда ни повернись — везде слишком много.

Клара не выдержала и прыснула.

Марта бросила на неё строгий взгляд.

— Да пусть смеётся, я бы тоже смеялся.

Наступила короткая пауза.

Я увидел три лица в зеркале.

— Смеялась, — исправился я. — Я бы тоже смеялась. Надо привыкнуть.

Марта ничего не сказала, только чуть сузила глаза.

Вот кто станет проблемой.

Умная.

Когда Эмма закончила, волосы оказались собраны в толстую косу. Я взял её в ладонь, оценил толщину и длину.

— Этим человека задушить можно.

Клара снова прыснула.

Даже Эмма улыбнулась.

Марта устало прикрыла глаза.

— Миледи, обычно молодые дамы оценивают причёску несколько иначе.

— А я оцениваю практические свойства.

— Я уже заметила.

В её голосе впервые появилась сухая ирония.

Отлично.

Кажется, мы начинаем понимать друг друга.

Костюм для верховой езды оказался гораздо удобнее платьев: белая рубашка, тёмно-синие брюки, жилет и высокие сапоги. Когда меня наконец одели, я посмотрел в зеркало и решил, что так хотя бы можно жить.

Если смотреть только выше груди, получался очень красивый худой парень.

Я опустил взгляд.

Грудь напомнила, что совещание по этому вопросу уже состоялось и решение приняли без меня.

— Ладно. Принято.

Марта в этот момент положила на кровать корсет.

Я посмотрел на него с некоторым недоверием.

— А это обязательно?

— Корсет, миледи?

— Я вижу, что это корсет. Я спрашиваю, обязательно ли мне добровольно затягивать себя в упаковочную ленту.

Клара опустила голову, явно снова пытаясь не рассмеяться.

Марта ответила очень серьёзно:

— В обществе — безусловно. Дома допустимы некоторые послабления, особенно после болезни, но полностью отказываться от него молодой незамужней даме не принято.

Я взял корсет двумя пальцами и осмотрел.

— Понятно. Пороха нормального ещё не придумали, зато женщину упаковать уже научились.

Теперь рассмеялась даже Эмма.

Марта выдержала несколько секунд и тоже отвернулась, пряча улыбку.

— Сегодня без него, — решил я. — Если кто-то возмутится, будем ссылаться на здоровье.

— На болезнь? — уточнила Марта.

Я посмотрел на неё через зеркало.

— Очень удобная болезнь, Марта. Мне всё больше нравится.

Она всё-таки улыбнулась.

Пока служанки заканчивали с одеждой, я попытался восстановить хронологию.

Если это действительно утро после лихорадки, до первого бала оставалось девять дней.

На нём начинались три основные романтические ветки.

Наследный принц Адриан.

Рейнар Ардес, рыцарь и друг детства.

Маг Элиан Морвей.

Кайрен появлялся немного позже, во время королевской охоты.

И вот его я помнил особенно хорошо.

Будущий главный злодей. Умный, красивый, расчётливый, местами совершенно отбитый и, на мой взгляд, лучший персонаж всей игры.

Его маршрут я проходил раз пять.

Не потому, что мне нравилось смотреть, как мужик целуется с главной героиней. Эти сцены я обычно проматывал.

Зато политическая ветка у Кайрена была прекрасной: заговор, история его семьи, предательство, переворот и несколько моментов, где при правильных выборах можно было не дать ему окончательно съехать с катушек.

Я однажды страниц двадцать на форуме доказывал какому-то идиоту, что злодей написан лучше принца.

Теперь имелась одна небольшая проблема.

Главной героиней был я.

Следовательно, если идти по секретному маршруту, Кайрен должен был целовать тоже меня.

Я посмотрел на собственное отражение.

Представил.

Поморщился.

— Нет. Вот это сразу нет.

Эмма, возившаяся с застёжкой жилета, подняла глаза.

— Миледи?

— Ничего. Размышляю о будущем.

Будущее, если верить игре, выглядело не особенно оптимистично.

У «Сердец под алой луной» было несколько хороших концовок: выбираешь одного из четырёх мужчин, правильно проходишь ключевые события, получаешь любовь, свадьбу и красивую финальную картинку.

Можно было долго бегать между маршрутами, ссориться, мириться, набирать нейтральные события и почти до финала никого не выбирать.

Полностью отказаться от всех нельзя.

Я пробовал.

Конечно пробовал.

Из принципа.

Результат прекрасно помнил.

Во время переворота Летиция погибала.

Не было никакой секретной концовки «независимая герцогская дочь открыла мастерскую и жила долго и счастливо». Не было побега за границу, политической карьеры или хотя бы монастыря.

Белые лилии на чёрном экране и надпись:

«Одинокий цветок не пережил алую ночь».

Я тогда минут пять объяснял монитору, что думаю о сценаристах, для которых отсутствие мужика оказалось смертельным заболеванием, потом загрузил сохранение и пошёл добывать ветку Элиана.

Сейчас шутка заиграла совершенно другими красками.

Я подошёл к окну.

Внизу лежал город, красивый, чистый и пока ещё целый.

До переворота примерно три года.

Если сюжет пойдёт так же.

Если мои действия его не изменят.

Если этот мир вообще обязан повторять игру только потому, что я когда-то видел его на экране.

Слишком много «если».

Зато одно было понятно.

Рассчитывать на мужика как на единственный способ остаться в живых я не собирался.

Пусть даже мужики сами по себе были вполне нормальные. Адриан умный, Рейнар вообще отличный, Элиан душный, но интересный, а Кайрен — прекрасный ублюдок, с которым при других обстоятельствах я, возможно, даже выпил бы.

Но именно выпил.

За одним столом.

В мужской компании.

Без всей вот этой романтической херни.

Я тридцать восемь лет был мужчиной, и до сегодняшнего утра никаких вопросов по этому поводу не возникало. Теперь вопросов накопилось столько, что добавлять к ним «кого из четырёх красавцев я хочу поцеловать» было совершенно необязательно.

На лестнице обнаружилась ещё одна особенность нового тела.

Я шёл слишком быстро, радуясь самому факту, что могу идти, и на пятой ступеньке вдруг почувствовал довольно отчётливое движение впереди.

Остановился.

Сделал ещё шаг.

Да.

Грудь подпрыгивала.

Я посмотрел вниз с искренним недоумением.

— Вы серьёзно?

Марта, идущая следом, тут же насторожилась.

— Что-то случилось, миледи?

Я сделал ещё один осторожный шаг и теперь уже окончательно понял, зачем женщины придумали столько разного белья.

Тридцать восемь лет жил и ни разу не задавался этим вопросом.

Очень познавательное перерождение.

— Ничего страшного, Марта. Изучаю конструктивные особенности.

Она проследила за моим взглядом и моментально всё поняла.

Щёки у неё слегка порозовели.

— Я могу попросить Эмму принести...

— Потом. Сейчас я уже понял принцип.

На лице Марты появилось выражение человека, который очень хочет узнать, что именно я понял, но боится ответа.

Я пошёл дальше, теперь чуть медленнее.

У лестничного окна пришлось остановиться.

Не из-за груди.

Из-за мысли.

Три года до плохой концовки.

Я посмотрел на свои руки, потом на ноги. Молодое здоровое тело, деньги семьи, положение герцогской дочери и знание хотя бы основных событий будущего.

За три года можно сделать много.

Очень много, если не тратить их исключительно на балы и свидания.

И тут я вспомнил ещё одну вещь.

Дом Арденов был одним из богатейших в королевстве.

Земли.

Леса.

Шахты.

Мастерские.

Литейное производство.

Железные рудники на севере, которые в одной из побочных веток собирались закрывать из-за плохого качества металла и огромного расхода топлива.

Я тогда ещё сидел перед монитором с пивом и возмущался, что они просто плавить нормально не умеют.

Теперь это были, технически, наши рудники.

Я замер.

«Наши».

Быстро.

Ладно, с этим тоже разберёмся.

Но направление мне уже нравилось.

Вернуться в прежний мир, если это вообще возможно, означало вернуться в прежнее тело. А здесь у меня были ноги, молодость и ресурс, о котором сапёры обычно могут только мечтать: богатый папа.

Причём, если я правильно помнил игру, папа свою единственную дочь любил настолько, что финансовая осторожность рядом с ней у него периодически отключалась.

Я улыбнулся.

Марта заметила и почему-то насторожилась.

— Миледи?

— Всё хорошо.

И впервые за утро это было почти правдой.

Если отбросить невозможное перемещение в другой мир, женское тело, четыре обязательных романтических маршрута и собственную смерть через три года, стартовые условия были вполне приличными.

У меня были знания сапёра, понимание механики, оружия и взрывчатых веществ. Правда, я отлично осознавал, что одной памятью человека XXI века автомат в средневековой кузнице не соберёшь. Для точных деталей нужны станки, для станков — хорошие инструменты и металл, для металла — печи, руда и топливо, а для всего этого нужны люди, время и деньги.

У меня было последнее.

Много.

И три года времени.

Ну, хотя бы не три недели.

— Марта, — позвал я, когда мы уже подошли к следующей лестнице. — У отца есть кузница?

Она на секунду сбилась с шага.

— Разумеется, миледи. Герцогская мастерская обслуживает конюшни, оружейную и экипажи. Есть ещё литейный двор, но я не уверена, что...

— Прекрасно.

Я пошёл быстрее.

Марта поспешила за мной.

— Миледи, вы ведь сначала собирались завтракать.

— Конечно. Я четыре года мечтал... — начал я и вовремя остановился. — Я две недели болела. Естественно, хочу есть.

Марта посмотрела подозрительно.

Я улыбнулся как можно невиннее.

Получилось, судя по её лицу, не очень.

— Сначала завтрак, — повторил я уже увереннее. — Потом лекарь, если отец будет настаивать. А потом хочу увидеть кузницу.

— Зачем вам кузница?

Я задумался.

Хороший вопрос.

Пока у меня не было ни нормальных инструментов, ни понятия о местных сплавах, ни собственной мастерской, ни даже уверенности, что все мои знания можно применить в мире, где существует магия.

Зато у меня были две совершенно здоровые ноги, три года до собственной плохой концовки и неприлично богатый папа.

Для старта более чем достаточно. Некоторые операции начинались с куда более хуёвых исходных данных.

Я посмотрел в окно на город, который пока ещё понятия не имел, что через несколько лет должен загореться во время переворота.

— Буду строить себе счастливый финал.

Марта несколько секунд смотрела на меня, затем очень осторожно спросила:

— Миледи, это тоже последствия лихорадки?

Я подумал.

— Очень надеюсь, что нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.